617587 9(с)
А-812

О ЗЕМЛѢ ПОЛОВЕЦКОЙ.

(ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Н. АРИСТОВА.

2745
1

КІЕВЪ.
Типографія В. И. Давиденко, на Михайловской ул., въ собств. домѣ.
1877.

I
38

9(С)
А - 812
П. 2009
1041

О ЗЕМЛѢ ПОЛОВЕЦКОЙ.

(ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

617587
39625

Н. АРИСТОВА.

(Изъ „Изв. Ист.-фил. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1877 г).

П57
БИБЛИОТЕКА
Лен. Гос. Пед. Ин-та
Мал. Посадская, 26

КІЕВЪ.
Типографія В. И. Давиденко, на Михайловской ул., въ собств. домѣ.
1877.

Печатано по опредѣленію Конференціи Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

О ЗЕМЛѢ ПОЛОВЕЦКОЙ.

(Историко-географическій очеркъ).

Русскія поселенія въ раннее время лежали по Донцу и по лѣвой сторонѣ Днѣпра, простираясь чуть ли не до Азовскаго и Чернаго морей, о чемъ свидѣтельствуютъ названія многихъ мѣстностей весьма древнія [1]). Но подъ напоромъ кочевыхъ народовъ, которые одинъ за другимъ занимали южный край Россіи, наши предки мало по малу уступали свои города, обращавшіеся въ городища, пришлецамъ, ведя съ ними постоянныя войны въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Раздолье южно-русскихъ степей, множество рѣкъ и удобныхъ водопоевъ, сочныя травы и богатыя пастбища издавна привлекали кочевыхъ народовъ для привольнаго житья въ этой благодатной мѣстности, съ ихъ многочисленными стадами. Азіатскія племена, обитавшія въ южныхъ степяхъ, имѣвшія враждебныя столкновенія съ русскимъ народомъ, оставили память о себѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей, которыя могутъ иногда разъяснять или дополнять скудныя лѣтописныя извѣстія о дикихъ кочевникахъ.

На памяти исторіи, *Хазары* постепенно подвигались отъ Яика къ Дону, потомъ кочевья ихъ простирались по Донцу вплоть до Тавриды. Въ Харьковской губ. сохранилось много слѣдовъ пребыванія этихъ степняковъ въ ея предѣлахъ; эти слѣды можно отыскать въ названіяхъ разныхъ мѣстностей, которыя находятся въ трехъ уѣздахъ, прилегающихъ къ Донцу съ правой стороны. *Хазарское городище* лежитъ около с. Ковеговъ въ 8 верстахъ отъ г. Валокъ; недалеко отъ него въ трехъ верстахъ отъ вала урочище называется

---

1) Извѣст. Акад. Н. VIII, 314. Статья *И. И. Срезневскаго.* Въ 1170 г. князья собирались „поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути“ къ Черному и Азовскому морямъ. Ипат. 97.

Хозаревскимъ. Городище это расположено на взгорьѣ по берегу ручья и мѣстами окружено тройнымъ валомъ; вообще городища Валковскаго у. самыя значительныя въ той мѣстности и ихъ надо признать одними изъ древнѣйшихъ. Другія названія также указываютъ на мѣстности, гдѣ прежде обитали Хазары: въ 32 верстахъ отъ г. Валокъ на р. Березовой есть хуторъ *Заказаровка*, а въ 20 верстахъ отъ г. Лебедина лежитъ хуторъ *Коцаревъ*. Въ самомъ г. Харьковѣ находится улица *Кацарская*, а вблизи города есть *Кагаиово городище* и *Кагановъ перевозъ*; все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о поселеніяхъ Хазаръ, князь которыхъ назывался *Каганомъ*. Отсюда, вѣроятно, въ IX в. они дѣлали набѣги на славянскія племена, подчинивъ своей власти Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Олегъ освободилъ отъ Хазарскаго вліянія Сѣверянъ и Радимичей; а Святославъ, взявъ г. Бѣлувѣжу, сдѣлалъ свободными и Вятичей; но часть Хазаръ оставалась въ Русской землѣ въ подчиненіи Половцевъ, потомъ перешла на службу къ русскимъ князьямъ. Отъ насильства Половцевъ *Бѣловѣжцы*, какъ называетъ лѣтопись Хазаръ, перебрались въ нынѣшнюю Черниговскую губ. и основали г. *Бѣлувѣжу* близь верховьевъ р. Остра, гдѣ находимъ нѣсколько селеній съ этимъ именемъ; остатки этого городка доселѣ можно видѣть у нѣмецкой колоніи Бельмешь [1]). Когда возникъ этотъ городъ Хазаръ—неизвѣстно, но лѣтописи сохранили память объ-ихъ переселеніи въ Черниговскую область, отмѣтивъ подъ 1117 г. слѣдующій случай: „придоша Бѣловѣжцы въ Русь“ *(Ипат. 8. Густынс. 291)*. Недалеко отъ развалинъ Бѣлавѣжи находимъ селеніе съ названіемъ *Козары*, на пути отъ с. Носовки въ г. Козелецъ; сохранились также слѣды ихъ жительства около г. Воронежа, гдѣ близъ слободы Чижевки, недалеко отъ шлюзовъ, указываютъ *Козарское городище* и *Козарское поле*. Въ XI стол. мы встрѣчаемъ Хазаръ въ Тмутараканскомъ княжествѣ [2]).

Хазаръ смѣнили *Печенѣги*, которые также обитали около Донца недалеко отъ г. Чугуева,—и названія мѣстъ ихъ жилья сохранились до нашихъ дней. *Печенѣжская гора*, находящаяся на лѣвомъ берегу Донца (въ 7 верстахъ выше г. Чугуева, около с. Масловки), поражаетъ зрителя своими грандіозными размѣрами, особенно если смотрѣть на

---

1) *Изслѣдованія Лерберга* подробно описываютъ этотъ старинный городокъ (*стр. 385*).

2) Древн. и Нов. Рос. 1876 г. V, 65. Калужск. губ. Вѣдом. 1842 г. N 42. П. С. Лѣт. I, 87. 88.

нее съ противоположной гористой стороны Донца, напримѣръ—отъ церкви изъ с. Кочетка. Въ 1667 г. упоминается *г. Печенѣги* въ числѣ другихъ русскихъ городовъ; это—теперешнее село *Печенѣги*, тоже лежащее на Донцѣ въ 23 верстахъ отъ Чугуева при горѣ *Бубонъ*; съ 1646 г. отъ гоненья папежанъ тамъ стали селиться выходцы польскаго края изъ Черкасъ и употреблялись для охраны границы отъ нападенія крымскихъ Татаръ. Эти *Печенѣжскіе Черкасы* постоянно измѣняли русскимъ, нападали на Аркадіевскую пустынь и дѣйствовали по мыслямъ Дорошенко вмѣстѣ съ Татарами; извѣстный атаманъ Сѣрко былъ полковникомъ Зміевскихъ и Печенѣжскихъ Черкасъ или казаковъ въ 1668 г. и желалъ поселиться въ своемъ домѣ въ Марефѣ 1675 года [1]). Напрасно нѣкоторые писатели думали, будто эти Печенѣжскіе Черкасы были потомками старинныхъ Печенѣговъ: только старая мѣстность, въ которой они поселились, дала имъ названіе въ XVII стол. Извѣстно, что Печенѣги въ послѣдній разъ приступили къ Кіеву *безъ числа* въ 1036 г., но Ярославъ въ злой сѣчѣ, продолжавшейся цѣлый день, сокрушилъ ихъ силу, о чемъ лѣтопись замѣтила: „и побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжати, тоняху въ Сѣтомли, ина въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне“ *(Лавр. 65)*. Побѣда русскихъ князей надъ Печенѣгами заставила ихъ пробираться за Днѣпръ и за Дунай, гдѣ добили ихъ Греки съ Половцами, а въ южныхъ степяхъ осталось ихъ мало. Потомъ нѣкоторые переселились въ Кіевскую область и смѣшались съ другими степными племенами, которые извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* и *Берендѣевъ*. Остатки Печенѣговъ помогали русскимъ князьямъ и въ XII в., но часто льстили имъ и измѣняли, не исключая *Печенѣговъ Каневскихъ* [2]).

Ослабивъ силу Печенѣговъ, русскіе стали дѣйствовать наступательно противъ *Торковъ*, которые сидѣли по Донцу далѣе Печенѣговъ и были одного съ ними племени. Племя это обитало около нынѣшняго г. Славянска и сообщило свое наименованіе нѣсколькимъ мѣстностямъ: двѣ рѣки издавна назывались *Торъ* и *Торецъ*, соляныя озера—*торскими* и самый г. Славянскъ носилъ имя *Тора*; деревня *Торская* лежитъ въ 90 верстахъ отъ г. Купянска при р. Жеребцѣ. Около г. Славянска находится *Торское городище*, вблизи котораго въ

1) Опис. Харьковс. епархіи. Пр. *Филарета*. I, 19. 292; II, 6. 51; III, 263; IV, 66. 97—101. 106—110.

2) Ипат. лѣт. 18. 60. 90. 96. Воскр. 25. Никон. II, 134.

XVII в. былъ татарскій перелазъ и тутъ поставленъ острожекъ въ 1646 г. для обереганья соляныхъ промысловъ. Старое *Торчиново городище* лежитъ на р. Мерлѣ въ 6 верстахъ отъ г. Краснокутска; въ описаніи сторожей 1571 г. сказано: „а Мерлъ перелезти ниже Торчинова городища". *Торская дорога* шла около р. Тетлѣги, подлѣ дачъ Чугуевцевъ за Сѣверскимъ Донцомъ, недалеко отъ рѣчки Гнилицы [1]). Въ 1080 г. часть Торковъ выселилась съ Донца въ Переяславскую область *(Лавр. 87. 97)*; другая часть на правую сторону Днѣпра, о чемъ свидѣтельствуетъ названіе *Торческа* или *Торційскаго*, и служила князьямъ кіевскимъ. Въ 1116 г. „бишася Половцы съ Торкы и съ Печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дни и двѣ нощи,—и придоша въ Русь къ Володимеру Торци и Печенѣзи". Такимъ образомъ Половцы вытѣснили съ Донца племена, которыя измѣняли имъ и дѣйствовали въ пользу русскихъ; въ 1121 г. Владиміръ однако прогналъ Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги бѣжали сами,—„и тако мятущеся сдѣ, однѣ—и тако погибоша". (*Ипат 8. Лавр. 104*). Но Торки не погибли и оставались въ предѣлахъ Черниговскаго княжества въ осѣдломъ положеніи въ XII стол. По указанію лѣтописей, остатки Торскаго племени жили близъ *Баруча* и *Броньякняжа*, теперешней *Браницы*, въ Кролевецкомъ у. (на рѣчкѣ Грабаровкѣ, лѣвомъ притокѣ р. верхняго Трубежа), около *Ньжатина*, недалеко отъ нынѣшняго *Ньжина*, въ окрестностяхъ *Городка* или *Городни* на р. Сможѣ, впадающей въ Удай, съ лѣвой стороны выше г. Прилукъ, въ окрестностяхъ *Серебрянаго*, теперешняго *с. Сребнаго* Прилуцкаго у., по роменскому тракту на р. Лысогорѣ. Н. П. Барсовъ вѣрно объясняетъ мѣстность, гдѣ обитали Торки: „или въ сѣверной части Прилуцкаго, или въ южной Нѣжинскаго уѣзда, можетъ быть, въ окрестностяхъ теперешняго хутора *Барышовцова*, принадлежащаго селу *Носовкѣ* (Нѣжинскаго у. на границѣ съ прилуцкимъ [3])". Торки въ XII стол. то помогали русскимъ князьямъ своимъ участіемъ въ битвахъ, то льстили и измѣняли имъ [4]).

---

1) А. эксп. IV, стр. 273. Опис. Харьк. епархіи. I, 314. III, 249—250. IV, 62. V, 115—118. 127. 132. На Торскихъ вершинахъ часты были столкновенія казаковъ съ Татарами въ XVII в. Доп. къ А. ист. X, N 44, с. 4.

2) Лавр. 129=1125 г.; 132=1135 г. Ипат. 107.

3) Очерки рус. истор. геогр. Варшава. 1873 г. стр. 140.

4) Ипат. 60. 90. 96. 100—101. 106. 143. 174.

Болѣе вѣрными русскимъ оставались *Ковуи*—небольшая отрасль Торскаго племени,—которые сначала жили тоже въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. Тамъ при рѣчкѣ Ворсклицѣ и р. Боровой нанаходится *Кукуево городище*, между деревнями Литовкой и Боголюбовой, окруженное двумя валами и рвомъ въ 3 сажени вышины; другое *Кукуево городище* лежитъ около села Боровеньки Лебединскаго у. на р. Пслѣ въ 12 верстахъ отъ уѣзднаго города. Оба эти городища надо считать памятниками древнихъ жилищъ Ковуевъ. При нашествіи Половцевъ одни изъ нихъ передвинулись на правый берегъ Днѣпра, гдѣ г. Черкасы и Торческъ; другіе пошли съ Торками въ предѣлы Черниговскаго княжества и назывались *Ковуями Черниговскими*, которые постоянно помогали русскимъ князьямъ въ битвахъ противъ Половцевъ[1]).

Столкновеніе русскихъ съ Торками въ 1054 году вызвало ихъ на борьбу съ *Половцами*; какъ только русскіе князья побѣдили Торковъ, въ тоже время познакомились съ Половцами: „иде Всеволодъ на Торкы, и побѣди Торкы. Въ семъ же лѣтѣ приходи *Болушь* съ Половци, и сотвори Всеволодъ миръ съ ними, и возвратишася вспять, отнюду же пришли“. Значитъ, Половцы въ это время придвинулись къ Торкамъ, которые, вѣроятно, обратились къ нимъ за помощью, а заключенный миръ показываетъ, что передъ этимъ была ссора. Подобное же явленіе повторилось въ 1060 году: четыре русскіе князя „совокупивше вои безчислены, поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, безчислено множьство на Торкы. Се слышавше Торци убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи отъ зимы, гладомъ, моромъ и судомъ Божіимъ; тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ“. Но лѣтописецъ ошибся въ разсчетѣ: въ защиту Торковъ 1061 г. явились болѣе опасные враги—Половцы, сдѣлали первый удачный набѣгъ на русскую землю, побѣдили Всеволода, подъ предводительствомъ своего князя *Искала* (Сокала) и повоевавъ Русь, ушли во свояси *(Лавр. 70. 1 Соф. 140)*. Съ тѣхъ поръ Половцы стали дѣлать набѣги смѣлые и постоянные на русскія поселенія въ нынѣшней Полтавской, а отчасти и въ Черниговской губ. Они воевали по р. Сожицѣ или Оржицѣ, брали и осаждали города Черниговъ, Переяславъ, Прилуки, Переволоку *(теперь Переволочное на р. Удаѣ къ вост. отъ Прилукъ)*, Песоченъ или Песочки на р. Сулѣ, Ромны,

1) Опис. Харьков. епар. III, 55. 56—8. 489—490. Ипат. 60. 90. 99. 130—131.

Горошинъ, Скнятинъ и Лубны. Русскіе князья гонялись за Супой, Хоролъ, Сулу и Голтву, отражая ихъ нападенія [1]).

Вообще наступательная война русскихъ съ Половцами въ XI стол. не отличалась смѣлостью и ограничивалась защитой собственныхъ пограничныхъ укрѣпленій; только въ 1103 г. они „умыслиша *дерзнути* поити въ землю ихъ". Первая побѣда надъ Половцами произошла въ ихъ землѣ 4-го апрѣля; войска пошли внизъ по Днѣпру однѣ берегомъ, другія въ лодкахъ, „придоша ниже порогъ и сташа въ протолчехъ въ Хортичемъ островѣ"; потомъ шли въ полѣ 4 дня и одержали знаменательную побѣду въ нынѣшней Екатеринославской губ. Однихъ князей Половецкихъ избили 20 человѣкъ, обогатились скотомъ и челядью, „и заяша Печенѣгы и Торкы съ вежами. И придоша въ Русь съ полономъ великымъ, и съ славою и съ побѣдою великою". Виновникъ этого удачнаго похода, Владиміръ Мономахъ, въ 1109 г. послалъ съ другой стороны войско, въ Половецкое поле и оно взяло вежи подъ предводительствомъ Дмитра Иворовича *у Дону*, т. е. на Донцѣ [2]).

Но самый удачный походъ сдѣлали князья на Половцевъ въ 1111 году: тогда они въ первый разъ проникли въ глубь Половецкихъ степей и одержали блистательную побѣду надъ своими врагами—кочевниками, которая современниками считалась чудомъ и приписана помощи и участію ангеловъ. И этотъ славный походъ совершонъ, благодаря энергіи Владиміра Мономаха; онъ сталъ убѣждать Кіевскаго в. кн. Святополка идти весной на поганыхъ, но встрѣтилъ отпоръ дружины, которая говорила: „хощетъ погубити смерды и ролью смердомъ", т. е. при раннемъ походѣ, когда заняты будутъ лошади и люди, нельзя произвести посѣва. Не смотря на противодѣйствіе дружины весеннему походу, Мономахъ доказалъ его необходимость и настоялъ на своемъ. Ему хотѣлось, должно быть, застать рано и въ расплохъ Половцевъ на ихъ *зимовищахъ* около Донца и потому онъ рѣшился идти въ весеннюю распутицу: обыкновенно кочевые степня-

---

1) Лавр. 87. 92. 103. 104. Очерки рус. истор, геогр. *Барсова*. 141. Р. *Оржица* выходитъ изъ Прилукскаго у., течетъ по Пирятинскому и Лубенскому на 130 верстъ и впадаетъ въ р. Сулу.

2) Лавр. 118—119. 121. Малая рѣка *Хортица* впадаетъ въ Днѣпръ въ Екатеринославской губ. противъ острова *Хортица*.

ки съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ въ широкія степи на Калміусъ, на Орель, къ низовьямъ Дона и къ Азовскому морю, гдѣ имѣли *льтовища*, а на зиму опять шли обратно [1]). Походъ Мономаха, замѣчательный тѣмъ, что Русскіе въ первый разъ проникли въ средину Половецкой земли, представляется различно у разныхъ писателей и по времени и по мѣстности, да и показанія лѣтописей на этотъ разъ неодинаковы [2]). Приблизительно—точный разсчетъ движенія войскъ представилъ Н. П. Барсовъ въ своей „Географіи начальной лѣтописи"; но и у него вкрались лѣтописныя ошибки, какъ увидимъ далѣе.

Мономахъ съ князьями отправился изъ Переяславля *во вторую недѣлю* или во второе воскресенье великаго поста, которое приходилось въ тотъ годъ 26-го февраля. Въ лѣтописяхъ путь его означенъ переходомъ черезъ рѣки, которыя протекаютъ въ Полтавской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что войска двигались обычной дорогой, по которой ходили тогда Половцы на Переяславль, по которой ѣздили и торговцы въ землю Половецкую: извѣстно, что пути установливаются надолго и прокладывать по Россіи новыя дороги прямоѣзжія—трудъ богатырскій. Слѣдовательно, направленіе пути войскъ можно означить тѣми мѣстностями, которыя упомнаются въ лѣтописяхъ. Мономахъ пошелъ къ р. Супою черезъ *Воинъ*, теперешнее с. Войницы (въ 11 верстахъ отъ г. Переяслава), около котораго находился валъ въ XI стол. и теперь еще хорошо видный *(Лавр. 97. 139)*. Войница составляетъ первую станцію отъ Переяслава, — и когда князья пошли на Половцевъ въ 1110 г., то дошедъ до Войницы, вернулись назадъ, потому что путь былъ плохой [3]). Въ 1111 г. князья, переправившись чрезъ р. Супой, пришли на Сулу въ пятницу 3-й недѣли поста 3-го марта; значитъ они въ пять дней сдѣлали 138 верстъ *(отъ Супоя до Сулы около 108 веретъ)*; шли они, вѣроятно, по направленію къ городку *Лукомлю*, на р. Сулѣ, который уже въ XII стол. разоренъ былъ Половцами и назывался *городищемъ (Ипат. 122)*, а можетъ быть—къ *Горошину*, взятому Половцами при *Мономахѣ*, а укрѣпленіе это лежало южнѣе Лукомья тоже на Сулѣ. (Лавр. 103). Въ суботу 4-го марта пришли на р. Хоролъ и отъ таянія снѣговъ

---

1) Лавр. 121. 174.

2) Ист. рос. *Татищева* II, 207—209. Ист. гос. рос. *Карамзина* II, пр. 204.

3) Лавр. 121. Ипат. 87. *Войницы* при рч. Броваркѣ и въ 20 верстахъ отъ с. Ташани, что на Супоѣ. *Спис. насел. мѣстъ. 161.*

пометали сани; отъ Лукомья до г. Хорола считается 28 верстъ. Судя по выраженію Воскресенской лѣтописи, что князья по переправѣ чрезъ Хоролъ, *выидоша въ поле*,—можно заключить о пограничной линіи по этой рѣкѣ Переяславскаго княжества въ началѣ XII стол. *(П. Собр. Лѣт. VI, 21)*. Если они направлялись отъ Хорола къ с. Бѣлоцерковкѣ, лежащей у р. Псла, то прошли 38 верстъ—и достигли Псела въ воскресенье крестопоклонное 5-го марта; отъ Псела до Голтвы прошли еще 25 верстъ (отъ Бѣлоцерковки на Пселѣ до Рѣшетиловки на Голтвѣ 25 в.). Здѣсь подождали войска и во вторникъ 7-го марта на 4-й недѣлѣ поста пришли на р. Ворсклу, сдѣлавъ 36 верстъ, если шли отъ Рѣшетиловки въ окресности Полтавы. Такимъ образомъ отъ Переяславля до Ворсклы или до Полтавы прошли 264 версты въ 10 дней, дѣлая съ остановками круглымъ счетомъ верстъ 26 въ сутки; отъ Хорола до Полтавы около 100 верстъ прошли они въ 4 дня, когда бросили сани. И. П. Барсовъ замѣчаетъ: „Очевидно, путь лежалъ выше устьевъ Хорола и Голтвы, по всей вѣроятности отъ Лукомля, пограничнаго городка Переяславской области на Сулѣ, къ Ворсклѣ въ окрестности Полтавы или приблизительно по параллели 59° 50′. Здѣсь всего около 125 верстъ. Это разстояніе они прошли въ 5 дней (3—7 марта), дѣлая такимъ образомъ въ день круглымъ счетомъ верстъ по 25“ [1]). Если бы князья шли сѣвернѣе напримѣръ, на Лубны, Миргородъ и Балаклію; то миновали бы р. Голтву; слѣдовательно они направлялись южнѣе—на Бѣлоцерковку. Въ средокрестье или въ среду 4-й недѣли поста 8-го марта пошли они съ Ворсклы, „и оттуда проидоша многи рѣки“. На основаніи этого лѣтописнаго замѣчанія, можно судить гадательно о слѣдующихъ обстоятельствахъ. Едвали войска шли на Чугуевъ или Зміевъ: въ этомъ направленіи нѣтъ почти совсѣмъ рѣкъ, только и встрѣтилась бы имъ р. Можь и еще около Чугуева р. Уды; значитъ, онѣ направлялись или сѣвернѣе или южнѣе. Много рѣкъ онѣ должны были перейдти, если бы двигались выше г. Харькова; здѣсь надо бы переправиться чрезъ Коломакъ, Уды, Лопань и Харьковъ, несчитая мелкихъ рѣчекъ, увеличивающихся весной во время разлива воды. Точно также встрѣтили бы много рѣкъ на пути въ окрестности Изюма; тутъ прошли бы Коломакъ, Орчикъ, Берестовую, верховья Орели и

1) Очерки рус. историч. геогр. прим. 227. Полтава упоминается въ 1174 г. какъ крайнее пограничное русское поселеніе. *Ипат. 107.*

Береку. Какъ бы то ни было, князья пришли къ Донцу во вторникъ на 5-й недѣлѣ, по другимъ спискамъ лѣтописей—въ воскресенье той же недѣли, по третьимъ—во вторникъ на 6-й недѣлѣ. Н. П. Барсовъ держится указанія послѣдняго и говоритъ, что „отъ Ворсклы до Шарукания на Дону они шли 14 дней, прибывши туда вечеромъ 21 го марта, во вторникъ на 6-й недѣлѣ поста". Въ Ипатьевской лѣтописи дѣйствительно отмѣчено, что они пришли къ Донцу на 6-й недѣлѣ, но это не вѣрно; въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ означено точнѣе, что дѣло было во вторникъ 5-й недѣли, т. е. 14 марта, а слѣдовательно онѣ достигли отъ Ворсклы до Донца *(отъ 8—14-го)* не въ 14, но въ 7 дней (отъ Полтавы до Харькова считается 132 версты). Если бы князья 21 марта были на Донцѣ, т. е. на 6-й недѣлѣ во вторникъ, то они овладѣли бы Шаруканемъ въ недѣлю цвѣтную 26-го марта, тогда какъ этотъ праздникъ они проводили послѣ взятія двухъ городовъ и удачной побѣды надъ Половцами при потокѣ Дѣгея, а 27 марта уже разбили ихъ на р. Салницѣ. Едвали не вѣрнѣе всѣхъ списковъ чтеніе Воскресенской лѣтописи, въ которой сказано, что „въ 5-ю же *недьлю* поста прійдоша къ Донови, во вторникъ же оболкшеся во брони, поидоша съ Донови, полкы изрядивше, ко граду Шаруканю" *(П. С. Лѣт. VI, 21)*. Это свидѣтельство очень достовѣрно по точности: изрядить полки въ одинъ день, бывшіе въ походѣ 17 дней, сразу нелегко, да и едва ли все войско могло придти въ одинъ день; надо было, вѣроятно, поджидать его, какъ это случилось на Голтвѣ ранѣе. При такомъ разсчетѣ, войско отъ Ворсклы до Донца, на разстояніи примѣрно 150 верстъ, пришло къ Донцу въ пять или 6 дней, что согласно съ прежнимъ его движеніемъ. Изрядивъ полки, князья пошли 14 марта во вторникъ къ г. Шаруканю и взяли его въ воскресенье 19 марта; это—первый городъ въ землѣ Половецкой.

Хотя всѣ почти писатели утверждаютъ, будто г. Шарукань лежалъ на Донцѣ, но надо полагать скорѣе, что въ недалекомъ отъ него разстояніи; въ одной лѣтописи сказано неопредѣленно: *поидоша къ Шаруканю*, но съ Донца ли ушли войска или двинулись вдоль по берегу, неизвѣстно, только въ Воскресенскомъ спискѣ означено прямо, что Мономахъ и князья „поидоша съ Донови ко граду Шаруканю" *(Ипат. 2 Воскр. 21)*; значитъ, онъ находился не на Донцѣ.—Что же это за городъ и почему доселѣ не опредѣлено его мѣстоположеніе? Вообще отгадывать положеніе городовъ и мѣстечекъ по географическимъ старинымъ названіямъ весьма трудно, особенно въ землѣ

Половецкой, гдѣ смѣнялись постоянно восточныя племена однѣ другими, оставляя каждое свои слѣды и названія, которыя передѣлывались нерѣдко русскими на свой ладъ, напр. изъ *Адалаш* вышла русская *Водолага*, изъ *Гузуна—Изюмъ* и т. дал. Много названій географическихъ въ Половецкомъ полѣ у русскихъ носили двойныя имена, собственныя и восточныя: Орель и Уголъ, Самара и Снопородъ и проч. У Половцевъ же постоянно названіе одного и тогоже города мѣнялось часто, потому что они именовали ихъ по своимъ ханамъ—князьямъ или родоначальникамъ: когда по смерти одного предводителя извѣстнаго рода дѣлался другой, то и городъ измѣнялъ названіе. Въ жизни Половцевъ господствовалъ родовой бытъ, о которомъ вѣрно разсуждалъ еще Татищевъ, что у нихъ множество князей завпситъ отъ множества и раздѣленія улусовъ; поэтому самыя племена ихъ назывались по родоначальникамъ: Токсобичи, Каепичи, Багубарсовы, Бастѣева чадь, Чаргова чадь; имена городовъ половецкихъ означены по тогдашнимъ владѣльцамъ, а несущественныя [1]). Тотъ же городъ *Шарукань* носилъ въ разное время нѣсколько названій: сначала онъ означался именемъ града *Осенева* или *Асенева* отъ Половецкаго хана Асана (Асеня, Асиня, Осеня), котораго взялъ въ плѣнъ Мономахъ, и впослѣдствіи женилъ на его внукѣ сына своего Георгія. По смерти Асана (1082 г.), его городъ уже сталъ носить названіе *Шарукана*, по имени хана *Шарука*, который едва непопалъ въ плѣнъ русскимъ въ 1107 г. на Хоролѣ. Наконецъ г. Шаруканъ называется *Чешуевымъ* (Чешлюевымъ), также по имени хана, сдѣлавшагося предводителемъ по смерти Шарукана. Всѣ эти названія въ русскихъ лѣтописяхъ служатъ для означенія одного и того же города: въ одномъ спискѣ онъ называется Шаруканомъ, въ другомъ Осеневымъ, въ третьемъ Чешуевымъ [2]). Г. *Сугровъ* тоже названъ по имени хана *Сугры*, который взятъ былъ въ плѣнъ князьями при нападеніи на г. Лубны 1107 г. *(Лавр. 120)*. О положеніи этихъ городовъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1185 г. Игорь Святославичъ перебрелъ Донецъ, шелъ по лѣвой его сторонѣ къ р. Осколу и миновалъ города Шарукань и Сугровъ; слѣдовательно они ле-

---

1) Ист. Рос. *Татищева* 1774 г. II, пр. 351. III, пр. 535. У Печенѣговъ мы видимъ тоже явленіе. Окрайны Россіи. Вып. I. М. 1865 г. пр. 13.

1) Лавр. 87. 120. 128. Ипат. 2.

жали по правую сторону Донца и выше устьевъ р. Оскола, иначе Игорь встрѣтилъ бы ихъ, когда перешелъ на другую сторону; Владиміръ Мономахъ направлялся тоже къ р. Сальницѣ, какъ и Игорь, но по правой сторонѣ Донца и потому долженъ былъ имѣть дѣло съ этими городами. Если не на Донцѣ находился г. *Шарукань*, то онъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго *Харькова* (Харкань, Гаркань, Шаркань), который перенначенъ Малороссійскими казаками на свой ладъ и невѣрно произведенъ отъ казака *Харько*; еще преосв. Филаретъ опровергалъ мнѣніе, будто Харькову далъ свое имя первый поселенецъ казакъ Харько [1]). Однако пріурочивая г. Шарукань къ мѣстности Харькова, мы встрѣчаемся съ большимъ затрудненіемъ, что этотъ городъ называется въ лѣтописяхъ *Чешуевымъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что это имя происходитъ отъ хана родоначальника половецкаго, но Чешуя—хана мы не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и думаемъ, что это слово передѣлано на русскій ладъ, а прежнее названіе было *Чугаевъ* или *Чугуевъ* отъ хана *Чугая*; дѣйствительно, мы знаемъ, что у Половцевъ были ханы съ этимъ именемъ и одинъ изъ нихъ убитъ въ 1180 г. (*Ипат. 125*).

Такъ какъ многія мѣстности въ землѣ Половецкой назывались по именамъ хановъ, то позволительно предположить, что нѣкоторыя рѣки и населенныя мѣста получили отъ нихъ свои наименованія. Особенно много такихъ названій можно насчитать въ Харьковской губ., наприм.: отъ хана или родоначальника *Буса* („поютъ время *Бусово*, лелѣютъ месть *Шаруканю*“) происходятъ имена—*Бусовъ яръ* въ Волчанскомъ у. на лѣвомъ берегу Донца въ 15 верстахъ отъ у. города; *Бузовъ новый*, *Бузовъ старый* въ 35 верстахъ отъ Волчанска, *Бузова рѣчка*, *Бузовъ хуторъ*, *Бузовскій* (Зміевс. у.), *Бузовикъ* (Лебединс. у.), *Бузовскій* (Купянс. у.). Такъ какъ *Бусовъ яръ* лежитъ въ 15 верстахъ отъ *Салтова*, то еще болѣе можно быть увѣреннымъ въ Половецкомъ происхожденіи *Бусова*. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ говорится: „Стрѣляеши съ отня злата стола *Салтана* за землями; стрѣляй, господине, Кончака поганаго кощея за русскую землю“. Ясно, что салтанами назывались ханы Половецкіе, которые и дали свое имя *Салтовскому городищу* на Донцѣ, *Верхнему Салтову*, *Старому Салтову* (Волчанск. у.), *Салтановкѣ* (Сумс. у.). Можно думать, что

1) Опис. Харьк. епар. II, 5. Въ Полтавской губ. есть хуторъ *Харкановъ* Лохвиц. у. въ 22 верстахъ отъ у. города.

названіе *Куряжъ* колодецъ и *Куряжъ* рѣка, гдѣ теперь *Куряжскій* монастырь при р. Удахъ, въ 10 верстахъ отъ Харькова, обязаны своимъ происхожденіемъ также кочеванію въ этой мѣстности хана *Кури* или Куряжа; объ этомъ ханѣ лѣтопись отмѣтила подъ 1096 г. что Куря воевалъ около Переяславля и сжегъ с. *Устье*. Тоже можно сказать о мѣстностяхъ съ именемъ *Топчіева*, которыя находятся, въ Харьковскомъ, Валковскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ, что онѣ получили названіе отъ хана *Топчія* и проч. [1]).

Половцы не были устроителями городовъ и, занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ; поэтому стоило осадить русскимъ засѣвшихъ въ городѣ Половцевъ, они скоро сдавались—и ни одного случая не найдется, когда бы они сняли осаду, что съ Половцами бывало часто. Впрочемъ и городовъ ими занимаемыхъ насчитывается очень мало, но всѣ ихъ надо искать на мѣстахъ нынѣшнихъ городищъ, которыя и находятся около Харькова и Чугуева [2]). Итакъ, взявъ легко Шарукань 19-го марта, когда сами жители вынесли князьямъ рыбу и вино, они отправились къ г. *Сугрову*. По всѣмъ почти спискамъ лѣтописей можно гадать, что Шарукань лежалъ отъ Сугрова на разстояніи одного дня пути, но это несправедливо; очевидно, переписчиковъ лѣтописей смущало слово—*завтра* и они думали, что князья пришли на другой день. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ означено точно, что къ Сугрову пришли *завтра въ среду*, т. е. въ среду утромъ; поэтому переходъ отъ Шаруканя совершенъ въ три дня и Сугровъ былъ зажженъ 22 марта. Если вѣрно, что Шарукань или Чешуевъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Чугуева, то Сугровъ надо искать около Изюма, судя по времени перехода войска и соображая его съ разстояніемъ городовъ. (Чугуевъ отъ Изюма отстоитъ на 88 верстъ). По взятіи г. Сугрова, князья 23-го марта „въ четвергъ попдоша съ Дона“, слѣдовательно Сугровъ стоялъ несомнѣнно на Донцѣ. Далѣе они направились къ р. *Салницѣ*, которую Карамзинъ считалъ за р. *Салъ*, впадающую въ Донъ, не смотря на то, что еще Татищевъ очень вѣрно замѣтилъ: „Донъ есть Донецъ сѣверскій, который Дономъ на многихъ мѣстахъ

---

1) Рус. Ист. Сборн. III, 118. 120. Опис. Харьк. епар. I, 100; II, 112; IV, 5—7. 42. 52. 277—289. Лавр. 98. См. „Списки населен. мѣстъ Харьковс. губ“.

2) *Чугуево городище* значится въ книгѣ Большаго чертежа *(стр. 31)*; выше Чугуева въ 5 верстахъ по Донцу, около рч. Тетлѣги, въ с. Кочеткѣ называется улица *Старый Кременчугъ*, т. е. старая крѣпость Чугуя или Чуги.

именованъ, что и рѣка *Сальница* утверждаетъ, ибо оная течетъ въ Донецъ съ правой стороны ниже Изюма, какъ въ Большомъ Чертежѣ показано". Мнѣніе Карамзина давно опровергнуто, какъ несостоятельное, Бутковымъ, Арцыбашевымъ и другими писателями [1]). Надо удивляться, какъ доселѣ не принято чтеніе Хлѣбниковскаго списка лѣтописи, въ которомъ вмѣсто неизвѣстной Сальницы, означена р. *Сольница*, а это названіе самое вѣрное. *(Ипат. 2 въ прим.)*. Р. Сольница лежитъ дѣйствительно въ 45 верстахъ ниже Изюма, считая по берегу Донца, и называлась такъ въ старинныхъ памятникахъ отъ многихъ соляныхъ озеръ, которыя находятся отъ нея въ полуверстѣ; эта знакомая намъ рѣка получила ранѣе названіе *Тора*, потому что на ней кочевали прежде Торки, прогнанные Половцами. Какъ Торъ назывался Солницей, такъ г. Торскій или Славянскъ—*Соленымъ Городомъ*, а озера Торскія—*Соленими озерами* [2]). Пробираясь съ Донца, князья въ пятницу 24 марта встрѣтили войско Половцевъ, которые „изрядиша полкы своя и поидоша къ боеви", но Богъ помогъ русскимъ князьямъ, супостаты побѣждены были *на потоцѣ Дегѣя* (Дегеявъ), который составляетъ притокъ р. Солницы, въ четырехъ верстахъ отъ Донца. Если древняя Сальница есть р. Торъ или теперешній *Казенный Торецъ*, то Дегѣя составляетъ *Кривой Торецъ* или Сольню рѣку; ростовскій лѣтописецъ при разсказѣ о побѣдѣ Мономаха на потокѣ Дегѣя, прибавилъ: „или Салнѣ рѣцѣ", считая Сальницу другой рѣкой; въ Воскресенскомъ спискѣ тоже находимъ на полѣ поясненіе потока Дегѣя—„Салня рѣка" [3]). Какъ обстоятельства дѣла, такъ и разстояніе не противорѣчатъ этому мнѣнію: послѣ побѣды 24 марта, князья праздновали два дня благовѣщенье и вербное воскресенье, въ которое пришли обратно на Донъ, а въ страстной

---

1) Ист. Татищева. II, пр. 204. 352. Ист. гос. рос. II, пр. 205. III, пр. 70. Въ Землеопис. рос. Имп. *Е. Зябловскаго* означена *Сальница*, впадающая въ Донецъ съ правой стороны выше Изюмца (V, 287). „Едва ли *Сальницею* не называется рѣка, падающая въ Донецъ съ лѣвой стороны между Осколомъ и Боровскою" *(Атласъ рос. имп. 1796 г. карта 49)*. Игорь или война Половецкая. Арцыбашева. (Вѣсти. Евр. 1826 г. № 11, стр. 177. № 12, стр. 241). Очерки геогр. *Барсова* (прим. 227). Бутковъ прямо указалъ, что Сальница есть р. *Торъ*. Вѣсти. Евр. 1821 г. №№ 21—22, стр. 52.

2) Опис. Харьк. епар. I, 180—2. V, 115—118. 127—132. 134. Г. Славянскъ лежитъ въ разстояніи отъ Харькова въ 165 верстахъ, отъ Бахмута—въ 40, отъ Екатеринослава—въ 260.

3) Ист. гос. рос. II, пр. 205. П. С. Лѣт. VII, 22,

понедѣльникъ 27 марта одержали блистательную побѣду надъ Половцами на р. Сальницѣ, надо полагать, при впаденіи Тора въ Донецъ. Какъ Мономахъ, такъ и Игорь Сѣверскій направлялись къ Торскимъ или Славянскимъ соляным озерамъ, которыми дорожили и степные народы и русскіе промышленники, куда лежалъ *Солоный путь*, по которому ѣздили русскіе торговцы и который старались князья отбить у Половцевъ въ 1170 г. *(Ипат. 97)*.

Теперь остается упомянуть о третьемъ Половецкомъ городѣ: въ 1116 г. Ярополкъ „ходи на Половечскую землю къ рѣцѣ, зовомѣй Донъ, и ту взя полонъ многъ, и 3 городы взя половечьскыѣ: *Галинъ* (Балинъ, Балисъ), Чешюевъ и Сугровъ“. *Балинъ* доселѣ существуетъ фамилія въ Харьковской губ., но опредѣлить мѣстоположеніе этого города на Донцѣ—мы не беремся. Тотъ же князь ходилъ *за Донъ* въ 1120 г., но не нашелъ Половцевъ и воротился домой. О Мстиславѣ князѣ замѣчено подъ 1129 г., что онъ загналъ Половцевъ *за Донъ* и *за Волгу* [1]). Не смотря на это извѣстіе, границы Половецкой земли оставались и послѣ тѣ же въ Посульѣ, а на сѣверовостокѣ Переяславской области крайними городами по прежнему были *Выръ* или *Выревъ*, *Вьяхань* и *Попашь*. Н. П. Барсовъ пишетъ: „На р. Вырѣ, впадающей въ Сеймъ съ лѣвой стороны въ Путивльскомъ у., находятся населенныя мѣста *Виры*, при устьѣ Синяки, слоб. *Вирки* (оба въ Сумскомъ у.) и *Виры (старые?)* въ Путивльскомъ у. на границѣ съ Сумскимъ у. Къ какому изъ нихъ правильнѣе пріурочивать лѣтописный *Выръскъ*, опредѣлить нельзя“ [2]). Хотя и встрѣчается въ Харьковской губ. с. *Старые Выри* (на р. Вирѣ, въ 32 верстахъ отъ г. Сумъ и въ 16 отъ Бѣлополья); но не оно было крѣпостцей въ началѣ XII стол., а искать его надо недалеко, гдѣ находится городище. *Вирское городище* было тамъ, гдѣ теперь лежитъ заштатный городъ *Бѣлополье* (въ 224 в. отъ Харькова, въ 40 в. отъ г. Сумъ). Въ этомъ случаѣ нельзя миновать объясненія преосвящ. Филарета на счетъ положенія Выря, которое, къ сожалѣнію, оста-

---

2) Лавр. 128. Ипат. 7—8. Воскр. л. 28.

2) „Къ *Выреви* бяху пришли Аепа и Бонякъ“ (Лавр. 104. 130; Ипат. 4. 11). Въ 1147 г. у Выря, какъ украйнаго города, Половцы ходили къ ротѣ. (Лавр. 42, Ипат. 35). Въ 1161 г. Князь Изяславъ говорилъ: „въ Половци не могу ити, а у Выри не могу голодомъ мерети“ (Ипат. 87. 90. Воскр. 71). Находясь вблизи Половецкихъ кочевьевъ, Выръ былъ небезопаснымъ городомъ Геогр. Начал. Лѣт. пр. 248.

лось неизвѣстнымъ Барсову. Филаретъ пишетъ: „Въ царской грамотѣ 25 янв. 1704 г. читаемъ: въ 1672 г. по указу царя Алексѣя Михайловича бояринъ Г. Ромодановскій въ Путивльскомъ у., въ 30-ти верстахъ отъ Путивля, на р. *Виру* да на устьѣ р. *Крыни*, въ угодьяхъ Путивльцевъ построилъ г. *Бѣлополье на Старомъ Вирскомъ городищѣ*, а въ томъ городѣ поселились изъ—за Днѣпра сотникъ съ Черкасы на татарской сакмѣ.—И такъ тамъ, гдѣ нынѣ расположенъ заштатный гор. Бѣлополье, было старое городище—памятникъ стараго г. *Выря*“. За тѣмъ онъ говоритъ о городкахъ *Вьяхань* и *Попашь*, что „новые историки незнаютъ мѣста этихъ городовъ“ и указываетъ г. *Попашь* на рч. Попадьѣ, впадающей въ Сулу и протекающей близъ Ольшаной, въ 4-хъ верстахъ выше Недригайлова и въ 40 в. отъ Выря—Бѣлополья. Г. *Вьяхань*, по его мнѣнію, находился на мѣстѣ нынѣшняго Терновскаго городища, которое въ Дворцовыхъ разрядахъ называется то *Деxановскимъ*, то *Леxановскимъ городищемъ*, въ 5-ти верстахъ отъ слободы Терновъ на рч. Тернѣ, впадающей въ Сулу, на С. З. отъ у. города Лебедина, недалеко отъ границъ Курской и Полтавской губ. [1]).

За тѣмъ въ глубину половецкихъ степей по направленію къ Донцу сдѣлалъ неудачный походъ князь Игорь Святославичъ Сѣверскій въ 1185 г., обставленный въ лѣтописи нѣкоторыми географическими подробностями. Онъ отправился во вторникъ на пасхѣ 23 апрѣля изъ Новгородъ-Сѣверска въ Переяславль, гдѣ соединясь съ нѣкоторыми князьями, двинулся къ Донцу. Какъ видно, онъ держался не того пути, по которому слѣдовалъ Мономахъ въ 1111 году внутрь земли Половецкой, а шелъ по украйнѣ Руси, на соединеніе съ Путивльскимъ войскомъ и съ братомъ своимъ Всеволодомъ; поэтому онъ двигался сѣвернѣе, вѣроятно, въ окрестности Бѣлгорода. Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ означаетъ эту дорогу такъ: „Комони ржутъ за Сулою, стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода“. У Игоря съ Всеволодомъ шли ранѣе переговоры, гдѣ имъ соединиться: „Сѣдлай, брате, своя борзая комони (*Кони у нихъ тучни.*

1) Опис. Харьк. епар. III, 408—413. 577. 592—3. Дворц. разр. II, 885—908. Барсовъ указываетъ г. *Попашь* тоже на рч. Попадьѣ ниже Недригайлова. Геогр. Начал. лѣт. пр. 247.

Ипат.), а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди“ [1]). Мономахъ пошелъ во время распутицы и оттого движеніе его было медленно, а Игорь избралъ самое лучшее время и пришелъ изъ Переяславля къ Донцу менѣе, чѣмъ въ недѣлю, 1-го мая, когда было затмѣніе солнца передъ вечеромъ, въ 7-й часъ дня, какъ утверждаетъ Татищевъ. Объ-этомъ затмѣніи пѣвецъ Слова выразился коротко, что „солнце Игорю тьмою путь заступаше“, отъ него войска всѣ тьмою были прикрыты; но лѣтописецъ изобразилъ его подробно: „мѣсяца мая въ 1-й день на память св. пророка Іеремія, въ середу на вечерни, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти, человѣкомъ въ очью яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко мѣсяцъ, изъ рогъ его яко уголь жаровъ исхожаше: страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменье божье!“ [2]). Но Игорь не испугался, когда другіе поникли головами, въ размышленіи, что это предзнаменованье недоброе,—и перебрелъ Донецъ въ тотъ же вечеръ; пошелъ онъ по лѣвой сторонѣ рѣки къ Осколу, гдѣ два дня ожидалъ брата своего Всеволода, „тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курска“. Надо согласиться съ Бутковымъ, что дорога, по которой шелъ Игорь, лежитъ по возвышенію между рѣками Донцомъ и Осколомъ и приводитъ на Донецкій перевозъ, на 12 верстъ ниже Изюмскаго кургана; поэтому пѣвецъ Слова восклицаетъ: „О русьская земле, уже за шеломянемъ еси“! Перебродивъ черезъ Донецъ, Игорь направился къ р. *Сальницѣ* или къ Тору (*отъ впаденія Оскола до устьевъ Тора по теченію Донца 60 верстъ*); на Сальницѣ войска встрѣтили сторожей, которыхъ послали впередъ „языка ловить“; они сказали, что надо броситься на Половцевъ борзо, ибо они вооруженные ѣздятъ, п. ч. не застали въ расплохъ, или идти назадъ. Въ движеніи отъ перехода чрезъ Донецъ съ 1-го мая, въ ожиданіи Всеволода у Оскола, минула цѣлая недѣля—и на Сальницу пришелъ Игорь въ четвергъ мироносицкой недѣли 9-го мая. Оттуда „ѣхаша черезъ ночь“ къ вежамъ половецкимъ; этотъ ночной переходъ въ Словѣ о Полку изо-

---

1) Путивльскій князь присоединился къ Игорю на дорогѣ, п. что онъ неупоминается въ числѣ князей, отправившихся изъ Переяславля *(Лавр. 167)*. “Игорь, соединивъ войска въ Путивлѣ, гдѣ и супруга его оставалась, шелъ чрезъ города Суджу, Корочу и вступилъ на древній Изюмскій шляхъ“. (*Бутковъ*).

2) Показанія русскихъ лѣтописей вполнѣ подтверждаются астрономическими таблицами. (Лавр. 167. Ипат. 130. Ист. Рос. Татищева III, 261. Рус. Достоп. III, стр. 16, пр, 42).

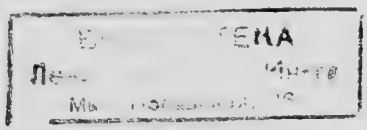
бражается самыми поэтическими чертами: „Долго ночь меркнетъ, заря—свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ (*войска?*) галичъ убуди. Русичи великая поля черлеными щиты перегородиша... Съ заранія въ пятокъ потопташа поганыя полкы половецкыя". Точность показаній поэта удивительна и часто равняется лѣтописнымъ фактамъ: „заутра пятку наставшу, во обѣднее время (*часовъ около 12*) усрѣтоша полкы Половецькіѣ, бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ; вежѣ своя пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ р. *Сюурлія*" (Сюурма, Суюрлій). Сколько извѣстно, положеніе этой рѣки неопредѣлено [1]); но если признать за несомнѣнное, что Сальница означаетъ Сольницу или Торъ, то и рѣку Суюрлій опредѣлить не трудно. Отъ истоковъ Тора (Казеннаго Торца) верстахъ въ 30 впадаетъ рч. *Орелька* въ р. *Орель* и образуетъ уголъ, на границѣ Харьковской губ. съ Екатеринославской; вотъ эта-то рѣка и называется *Сюурлій* (Суерель, Суорель, Суюрель), гдѣ сливаются двѣ Орели; а такъ какъ въ лѣтописи Орель порусски называется *Угла, Уголъ* (*Ипат. 128*), то вѣрно будетъ и чтеніе Татищева, который эту рѣку назвалъ *Суугли*, вмѣсто Суюрлій. (*Ист. рос. III, 263—265*). Отъ Сальницы до Суюрлія русскіе князья ѣхали цѣлую ночь и день до обѣда, и время это вполнѣ отвѣчаетъ разстоянію двухъ рѣкъ. Это тѣмъ болѣе достовѣрно, что и ранѣе русскіе побѣждали Половцевъ неразъ на р. *Орели* и на Самарѣ, какъ увидимъ далѣе.

617587

Самая побѣда описана такъ: „И якоже быша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и выѣхаша изъ Половецкихъ полковъ стрѣльцы, пустиша по стрѣлѣ на Русь, и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ *Сюрлія*; поскочиша же и ти Половци силы половецкіи, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Стрѣльци поткоша по нихъ и биша ихъ имаша". Татищевъ замѣчаетъ, что Половцы въ это время отступили

---

[1]) Рус. Дост. III, пр. 207, стр. 61. Вѣстн. Евр. 1821. N 20; 1830. N 19. Бутковъ думалъ, что Сюурлія—р. Торъ; Арцыбашевъ объ *этой* рѣкѣ пишетъ: „Намъ она неизвѣстна; но очевидно, что сія рѣка была въ разстояніи одного перехода отъ Сальницы. Не Ольховой ли колодезь, падающій въ Донецъ, ниже Боровой 20 верстъ? *Ссу* по татарски—рѣчка" (Вѣстн. Евр. 1821, N 21—22, стр. 152. 1826 N 12, стр. 241). Карамзинъ не дѣлалъ попытки опредѣлить, гдѣ былъ Сюурлій. Отъ Гнилой Орели къ р. Торцу верстъ съ 20. Кн. Бол. Чертежа 13.



отъ рѣки за гору [1]). Надо полагать, что они бѣжали на Ю. В. по направленію къ Кальміусу, а русскіе передовые полки до вечера гнались за ними, брали въ плѣнъ, „друзіи же въ ночи пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ“, который захватывали по преимуществу въ вежахъ. Пѣвецъ Слова объясняетъ, что это былъ за полонъ: „Помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато и паволоки и драгыя оксамиты, и всякыя узорочья половецкыя“. Но эта погоня за добычей увлекла ихъ слишкомъ далеко въ степи Половецкія; благоразумные братья Игорь и Всеволодъ Святославичи, „по малу идяста, не распустяста полку своего, передняя же Русь биша ихъ“, какъ-то: Святославъ Ольговичъ, Владиміръ Игоревичъ, Ольстинъ съ Ковуи и стрѣльцы Они въ преслѣдованіи сильно зарвались и утомили лошадей; Святославъ говорилъ Игорю, что онъ обратно идти ночью не можетъ, иначе долженъ отстать: „Далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои немогуть *(изнемоили)*, аже ми будеть поѣхати, то толико ми будеть—на дорозѣ остати“. Изъ этого видно, что они уклонились уже далеко отъ Суюрлія въ поле, гдѣ и ночевали: „дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло“. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ прибавлено: „И стояша на вѣжахъ 3 дни веселяся, а рекуще: братья наша ходили съ Святославомъ (1184 г.) и билися съ ними, зря на Переяславль, а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли по нихъ ити; а мы въ земли ихъ есмы, и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ на нихъ за Донъ и до конця избьемъ ихъ; оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь“. Если бы они остановились на Орели, то имъ нечѣмъ было-бы хвалиться передъ Святославомъ, который за годъ предъ тѣмъ одержалъ блистательную побѣду надъ Половцами за Орелью, хотя шелъ со стороны Днѣпра: Игорь подвинулся дальше и именно—къ Лукоморью Азовскому. Съ другой стороны, это показаніе противорѣчитъ Ипатьевскому списку лѣтописи, въ которомъ отмѣчено, что князья послѣ побѣды въ пятницу, не только не останавливались на 3 дня для пиршества, но только ночевали въ полѣ и на другой день въ субботу окружены были Половцами на разсвѣтѣ. Послѣднее свидѣтельство точнѣе, потому что *во первыхъ*, у князей прошла бы цѣлая недѣля въ бездѣйствіи, если бы они остановились на три дня среди поля, что немыслимо,

[1]) Ипат. 130. Ист. Рос. *Татищева*. Ш, 263.

во вторыхъ, и эту ночь провели они по необходимости, противъ воли Игоря, такъ какъ кони утомились, а *въ третьихъ* показаніе списка Лаврентьевскаго отличается слишкомъ общими чертами и приверженностью къ Святославу Кіевскому, не въ пользу Игоря. [1]).

„Свѣтающи суботѣ, начаша выступати полци Половецкіи, *акъ борове*; изумѣшася князи рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество. И рече Игорь: „се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю“ (половецкую) Кончака, Козубурновича, Токсобича и проч. Пѣвецъ Слова поясняетъ мѣстностью, что лѣтопись означаетъ по именамъ хановъ—родоначальниковъ: „Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ всѣхъ странъ, русскія полки оступиша“. Окруженные Русскіе, считая за грѣхъ оставить черныхъ людей на произволъ судьбы, рѣшились слѣзть съ коней и пѣшими „хотяхуть бьющеся дойти рѣки Донца“. Цѣлый день бились они крѣпко до вечера, „наставши же нощи суботніи, и поидоша бьючися“; по другому списку лѣтописи, люди и кони изнемогли „отъ безводья, и поступиша мало къ водѣ, по 3 дни бо не пустили бяху ихъ къ водѣ“. Отступленіе неудалось князьямъ, войска были отброшены Половцами со стороны Донца и бѣжавшимъ некуда было уйти, потому что окружили всѣхъ полками, точно огородили стѣнами сильными. Въ воскресенье возмялись Ковуи Черниговскіе, раненый Игорь попался въ плѣнъ; Всеволодъ крѣпко бился „идуще вкругъ при езерѣ“, но тоже взятъ былъ Половцами; и такъ въ праздникъ, вмѣсто веселья, наведе Господь гнѣвъ свой на р. *Каялы*. „Бишася день, бишася другый, третьяго дне къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыя *Каялы*“ [2]). Воскресный день побѣды Половцевъ надъ русскими по разсчету выходитъ въ недѣлю о Разслабленномъ 12-го мая; Татищевъ пишетъ по случаю битвы: „такъ окончися сей несчастливый бой, во 2-ю недѣлю пасхи“.—Выраженіе весьма

---

[1]) Рус. истор. Сбор. III, 110. 111. Лавр. 167—168. Ипат. 130. Если 3 дня всселились и 3 дня бились съ Половцами до прихода ихъ главныхъ силъ, то могла пройти цѣлая недѣля.

[2]) „Изнемогли бо ся бяху безводьемъ, и кони и сами, въ зноѣ и въ тузѣ, а къ водѣ нсдадуче имъ ити“. *Лавр. 168*. „Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лукы спряже, тугою имъ тулы затче“. *Сл. о Пол.* Увидѣвъ Всеволода, одолѣваемаго врагами, Игорь просплъ себѣ смерти, чтобы не видѣть его паденія. *Ипат. 131*. „Игорь полки заворачиваетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода“. *Сл. о Пол.*

неопредѣленное и оно станетъ понятнымъ, если принять двѣ недѣли по пасхѣ или, послѣ пасхальной седмицы (*III пр., 70*). Что же касается до положенія р. *Каялы*, то разные писатели искали ее въ различныхъ мѣстностяхъ: Карамзинъ думалъ, что это— р. *Кагальникъ*, въ землѣ Донскаго войска, но Бутковъ вѣрно указалъ на р. *Кальміусъ*. Всѣ обстоятельства говорятъ, что Игорь не слишкомъ далеко былъ отъ Азовскаго моря, когда остатокъ бѣжавшихъ Ковуевъ, преслѣдуемый Половцами, не вернулся на родину: „прочіи въ морѣ истопоша". Не напрасно русскія войска хвалились послѣ побѣды надъ степняками, что такъ далеко не бывали ихъ дѣды, что они пойдутъ до Лукоморья. Недаромъ и фантазія пѣвца Слова о Полку витаетъ далеко „въ полѣ незнаемѣ *среди земля Половецкыя*", около Сурожа; онъ вослицаетъ: „О далече зайде соколъ, птиць бья къ морю"! Игорь съ самаго начала похода стремился проникнуть въ глубь степей, преломити копье конецъ поля Половецкаго и онъ имѣлъ дѣло съ *Половцами Лукоморскими*. И прежде Русскіе иногда пробирались неподалеку оттуда, какъ Святославъ грозный Кіевскій, который „поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, яко вихръ выторже", или какъ князь Михаилъ бился у Лукоморья съ Половцами и спасъ его Богъ. Все это заставляетъ убѣдиться, что *Каяла* рѣка непремѣнно есть *Кальміусъ*, къ которому отброшетъ былъ Игорь, когда преслѣдовалъ враговъ отъ Сюурлія или отъ Угла, образуемаго двумя Орелями; въ два съ половиною дня войска могли свободно пройти разстояніе отъ одной рѣки до другой верстъ въ 70 [1]). Слѣдовательно, Каяла или Кальміусъ будетъ той же рѣкой, что *Калецъ*, *Калакъ*, *Калка*, (Каялка), на которой была несчастная битва русскихъ съ Татарами въ 1224 г. среди поля Половецкаго и битва Мамая съ Тохтамышемъ. Бутковъ объясняетъ дѣло такимъ образомъ: „Въ субботу рано русскіе стали отступать, желая приближиться къ Донцу; но Половцы, окруживъ ихъ, принудили удаляться во глубину безводной степи, къ сторонѣ Азовскаго моря. Томясь жаждою въ тогдашній чрезмѣрный зной, Русскіе дрались на походѣ весь тотъ день и слѣдующую ночь;

[1]) Ист. гос. рос. Ш, пр. 70. Еще Арцыбашевъ опровергъ мнѣніе Карамзина, доказавъ невозможность пройти отъ Оскола до Кагальника 350 верстъ съ вечера середы до субботы. Онъ спрашивалъ: Каяла—не Андаръ ли, впадающій въ Донецъ ниже Ольховаго колодца? Вѣстн. Евр. 1826 г. N 12, с. 248. Мнѣніе Буткова тамъ же 1821 г. N 20. с. 53. 1830 г. N 19. Ипат. 132. 104. 128, 142. 163, 175. Лукоморье—Азовское море. Ист. гос. рос. II, пр. 64. Ш, пр. 2. 70.

наконецъ, стѣсненные у береговъ быстрой Каялы (*Калміуса*), истощились въ своихъ силахъ. Въ вокресенье въ полдень *5-го Мая* (?), въ третій день сраженій, пали стяги Игоревы; многіе воины побиты, многіе, и самъ Игорь, взяты въ плѣнъ, нѣкоторые же изъ ушедшихъ потопли въ морѣ Азовскомъ. Игорь сносилъ неволю у Дона на правой сторонѣ Донца; ибо, бѣжавши оттуда въ Россію, переправился на луговой и слѣдственно на лѣвый Донецкій берегъ". Въ этомъ объясненіи заключается много правды. Въ 1224 г. Татары надвинулись на землю Половецкую; Русскіе пошли на ихъ защиту, по Днѣпру, потомъ отъ острова Варяжскаго у р. Хортицы двинулись въ поле Половецкое; оттуда шли 8 дней до р. Калки, гдѣ были разбиты *на Калкохъ*, т. е. между *Кальчикомъ* и *Кальміусомъ*. (Ипат. 163—165. Лавр. 218).

Побѣдивъ Русскихъ въ 1185 г., часть Половцевъ опять придвинулась къ своей любимой рѣкѣ Сальницѣ, гдѣ и находился въ плѣну Игорь Святославичъ, хотя всѣ почти писатели думали, будто онъ жилъ на берегу Донца съ правой стороны. Вежа, въ которой сидѣлъ плѣнный князь, стояла на берегу рѣки, иначе издали нельзя бы услышать ему свистъ Лавора, который давалъ знакъ князю съ той стороны, что лошади готовы („велитъ князю разумѣти"). Рѣка эта была *Торъ* или Сольница: въ пятницу, когда у Половцевъ по восточному обычаю, вѣроятно, начался съ вечера праздникъ и сторожи Игоря напились кумыса, играли и веселились, — онъ бѣжалъ незамѣтно. Въ заходъ солнца послалъ онъ конюшаго своего къ Лавру, „река ему: переѣди на ону сторону *Тора* съ конемъ поводнымъ"; поднявъ стѣну вежи, онъ пришелъ къ рѣкѣ, перебрелъ чрезъ нее, сѣлъ на приготовленнаго коня—„и тако поидоста сквозѣ вѣжа". Пѣвецъ Слова отлично зналъ всѣ подробности, что Игорь сначала перебрелъ Торецъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ по лугу къ Донцу: „поскочи горностаемъ къ тростію (въ тростникъ, *въ камышь*), и бѣлымъ гоголемъ на воду; вержеся на борзъ комонь... и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами". За тѣмъ идетъ разговоръ Донца съ Игоремъ, что тотъ лелѣялъ его на своихъ волнахъ и стлалъ ему постелю изъ зеленой травы на своихъ серебряныхъ берегахъ и одѣвалъ теплыми мглами. По всему видно, что Игорь былъ въ плѣну около нынѣшняго г. Славянска на южной сторонѣ Торца и, доскакавъ до Донца, переплылъ черезъ него, а затѣмъ шелъ приблизительно тѣмъ же безопаснымъ путемъ по лѣвой его сторонѣ, какимъ велъ войска". И *иде пьшь* 11 день до г. *Донца*, и оттолѣ иде во свой Новгородъ".

Почему онъ шелъ пѣшимъ, когда Лаворъ предоставилъ въ его распоряженіе коня, поясняетъ Слово о Полку, что они надорвали лошадей: „преторгоста бо своя борзая комоня;“ а что князь шелъ 11 дней отъ устья Торца до г. Донца, тоже весьма естественно [1]). Городъ Донецъ, въ который пришелъ Игорь, основательно ищутъ въ окрестностяхъ Харькова; въ книгѣ Большаго Чертежа означено: „На лѣвой сторонѣ вверхъ по Удамъ, выше хорошаго городища, *Донецкое городище*, отъ Хорошаго верстъ съ пять“. Въ 1571 г. велѣно было ѣхать рыльскому головѣ для наблюденія за Татарами“, внизъ по р. Удамъ чрезъ Павлово селище *къ Донецкому городищу* да къ Харошеву городищу“, которое находится въ 8 верстахъ отъ Харькова между Бабаями и с. Филиповымъ; тамъ доселѣ видны валы и рвы [2]). Отъ устья р. Тора до этого городка по теченію Донца гидрографически насчитывается до 500 верстъ, а по прямой дорогѣ отъ Харькова до Славянска 160 верстъ; такимъ образомъ въ 11 дней можно свободно пройти пѣшкомъ 220 верстъ, по 20 въ сутки, принимая это среднее разстояніе для пути Игоря.

Въ область теченія Донца ходили на Половцевъ преимущественно князья Переяславскіе и Черниговскіе; что же касается до Кіевскихъ князей, то они избирали обыкновенно путь внизъ по Днѣпру, отъ котораго на востокъ углублялись въ поле Половецкое. Въ сущности и со стороны Донца, и со стороны Днѣпра, Русскіе стремились за предѣлы теперешнихъ губерній Полтавской и Харьковской въ Екатеринославскую, на р. Орель, Самару и Кальміусъ. Въ 1152 г. отрядилъ Изяславъ, князь Кіевскій, сына своего Мстислава на Половцевъ и Богъ помогъ ему побѣдить ихъ „*на Углѣ* и *на Самарѣ*, и полонъ многъ взялъ, самѣхъ прогна, вежѣ ихъ поима, конѣ ихъ и скоты ихъ зая, и множство душъ крестьянскихъ отполони и возвратишася въ Переяславль [3])“. Еще дальше пробирались

---

1) Рус. Достоп. III, 228, прим. 13. Рус. Ист. Сборн. III, 126. Арцыбашевъ думалъ, что Лаворъ переѣхалъ на ту сторону Донца. Вѣстн. Евр. 1826 г. № 12, стр. 258. Ипат. 133—134.

2) Городскія поселенія, т. V, ч. 1, стр. 310. Книга Бол. Чертежа. *Спасскаго.* 1846 г. 14 32. Опис. Харьк. епар. I, 110.

3) Ипат. 71. Р. Углъ или Орель впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Ворсклы, беретъ начало въ Зміевс. у. Харьковск. губ., течетъ по границамъ Полтавс. губ. съ Харьковской и Екатеринославской.

Русскіе въ глубину Половецкихъ степей въ 1170 году, когда гонялись за ними отъ Днѣпра до Донца по направленію Орели и Торца; совокупились князья въ Кіевѣ по зову в. князя Изяслава и двинулись оттуда 2-го марта въ суботу на средохрестной недѣлѣ, направляясь *на Тумащь* (Тюмащъ) и *за Каневъ*. „Идоша князи 9 днев изъ Кіева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Ославича, иже идуть на нѣ князи русьстіи—и побѣгоша, лишившеся женъ и дѣтій; князи поѣхаша вборзѣ по нихъ. И взяша вѣжѣ ихъ *на Уль рѣцѣ*, а другыѣ *по Снопороду* (Снепороду, который назывался на восточномъ языкѣ—*Самара*), а самѣхъ постигоша у *Чернаго лѣса*, и ту притиснувше къ лѣсу, избиша ѣ, а ины руками изоимаша; Бастіи же и иніи мнози гониша по нихъ и *за Вьсколъ* (Осколъ), бьюче и“. Забравъ множество колодниковъ, чагъ, дѣтей и скота, князья освободили христіанъ, которые томились въ плѣну у Половцевъ [1]). И возвратились они обратно въ домы свои на самое Христово воскресенье, которое въ 1170 г. было 5 апрѣля, а 1168 г. 31 марта. Такое медленное возвращеніе показываетъ, что князья далеко забрались въ землю Половцевъ, и удальцы изъ Торковъ и Берендѣевъ могли гнаться за ними по Орели и по Сальницѣ за Осколъ, по Игоревой дорогѣ, которою онъ шелъ до Суюрлія. Если 9 дней шли отъ Кіева до Половцевъ, 10-го марта одержали первую побѣду и вернулись назадъ только 31 марта; то неудивительно, что гнали ихъ за Донецъ и за Осколъ. Въ 1184 г. вложилъ Богъ въ сердце Святославу Кіевскому пойти на Половцевъ и послалъ онъ по окольные князи, которые обѣщались совокупиться около Днѣпра на устьѣ Сулы; Святославъ пошелъ по Днѣпру, о которомъ пѣвецъ Слова говоритъ: „Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославля носады до плъку Кобякова“. На мѣстѣ, „идѣже называется *Инжиръ-Бродъ*, ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра, и 5 дней искаша ихъ. Ту же отряди моложѣ князи предъ своими полки, Владиміра Переяславскаго и другихъ. Половци же узрѣвше Володимерь полкъ, крѣпко идущь

---

1) Ипат. 97—98. Воскр. 82. По Словарю *Щекатова*, Снопородъ и Самара—одна рѣка.—Марта 2 приходилось въ средокрестную субботу 1168 г., а не 1170 г.—*Каневъ* отъ Кіева лежитъ по Днѣпру на 214 верстъ и въ XII в. былъ пограничнымъ пунктомъ, гдѣ ожидали возвращенія русскихъ торговцевъ войска. Ип. 94. 98. Еще 141. *Тумащь*—с. Томашевка, Васильковск. у., Кіевс. губ., близъ Ирпени. Погод. IV, 177.

на нихъ, и побѣгоша гонимы гнѣвомъ Божіимъ: онѣмъ же ѣхавшимъ по нихъ, не постигше, возворотишася Русь, и стояша на мѣстѣ, нарицаемѣмъ *Ерель*, его же Русь зоветъ *Уголъ*. Половецкій же князь Кобякъ, мнѣвъ толко Руси, возвратися и погна въ слѣдъ ихъ, начаша стрѣляти о рѣку и бысть того надолзѣ". Услыхавъ объ—этомъ, Святославъ и Рюрикъ послали свѣжіе большіе отряды; тогда Половцы *поскочиша*, а Русь начала ихъ сѣчь и забирать въ плѣнъ. Тутъ взяли Кобяка съ двумя сыновьями въ плѣнъ, „и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святославли!" Плѣнныхъ князей однихъ лѣтописецъ насчиталъ 417, а всѣхъ вообще до 7000 человѣкъ, которыхъ „руками яша". И эту побѣду одержали Русскіе за Орелью, 30 іюля въ понедѣльникъ [1]). Въ туже сторону на Самару ходили Святославъ съ Рюрикомъ зимой 1187 г.; такъ какъ лежалъ глубокій снѣгъ, то они выбрали путь по Днѣпру, дошли до *Снепорода*, схватили половецкихъ сторожей и узнали отъ нихъ, что вежи и стада находятся у Голубаго лѣса, „лежатъ за полдне". Но неохота Ярослава идти далѣе, потому что дружина изнемогла, и раздоръ князей сдѣлали этотъ походъ неудачнымъ *(Ипат. 134—5)*.

Внизъ по Днѣпру князья обыкновенно выходили къ Каневу, иногда на цѣлое лѣто, „стрегучи рускіѣ земли", и ожидали здѣсь возвращенія торговцевъ, пока взыдетъ Гречникъ и Залозникъ; дѣлали набѣги „изъѣздомъ безъ возъ" на Половцевъ на Днѣпровскомъ бродѣ *на Татинци*; нападали „вборзѣ изъѣздомъ", доѣзжая до *Протолочіи* или *Хортицы*. Изъ описанія этихъ походовъ видно, что Половцы часто переходили бродами черезъ Днѣпръ съ лѣваго берега на правый, кочевали на р. Бугъ и Дунай; это имъ было тѣмъ удобнѣе, что часть ихъ земляковъ жила за Днѣпромъ, которые извѣстны подъ именемъ *Каневскихъ или Русскихъ Половцевъ* [2]). Въ XII

---

2) Ипат. 127—128. Ист. Рос. *Татищева*, III, 257, пр. 535. Лавр. 167. Рус. Ист. Сборн. III, 116. *Инжиръ—Бродъ* Арцыбашевъ указываетъ между Переволочинской и Борисоглѣбской крѣпостью въ Екатериносл. губ. Вѣстн. Евр. 1821 г. № 11, 181.

1) Лавр. 168. Ипат. 94. 106. 141. 148. 153. *Татинецъ* есть *Мутатинецъ*, урочище Золотоношс. у. Полтавской губ., близь устья Золотоноши. Ипат. 134. *Хортица*—небольшая рѣка Екатеринославс. губ., впадающая въ Днѣпръ противъ острова Хорти-

стол. границей Кіевской области съ землею Половецкою былъ холмистый водораздѣлъ между рѣками Росью и Тясминой, по Бугу за Росью уже шли кочевья Половецкія; здѣсь на украйнѣ поселены были Торки и Черные Клобуки, и по Роси возникла цѣлая система укрѣпленныхъ городковъ, которые еще началъ строить Ярославъ Великій 1032 г. въ огражденіе отъ набѣговъ Печенѣжскихъ; на югѣ Кіевской губ. и теперь тянутся непрерывно городища, отъ устья р. Тясмины до Буга. Здѣсь за Росью шла постоянная борьба русскихъ съ Половцами, особенно *на Ивлѣ рѣкѣ Половецкой*, гдѣ стояла стража, наблюдавшая за движеніемъ русскихъ князей; туда ходили они *дорогой Половецкой* [1]).

Наконецъ нужно упомянуть и о томъ, что Рязанская область подвергалась набѣгамъ Половецкимъ со стороны Дона, хотя очень рѣдко, и князья рязанскіе дѣлали нападенія на землю Половецкую уже въ позднее время: въ 1199 г. князь Всеволодъ Юрьевичъ ходилъ изъ г. Владиміра на Половцевъ, „*по зимовищамъ ихъ возлѣ Донъ*“, но они прослышали о его движеніи и бѣжали къ Азовскому морю; въ 1206 г. рязанскіе князья сдѣлали удачное нападеніе на Половцевъ и взяли вежи ихъ [2]).

Такимъ образомъ земля Половецкая простиралась въ южнорусскихъ степяхъ отъ Дона и до Буга, хотя въ разное время имѣла не одинаковыя границы; между Волгой и Дономъ не видно Половецкихъ кочевокъ,—и выраженіе лѣтописи, что Мстиславъ загналъ Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ—надо признать фразой. Съ другой стороны, Половцы никогда не выдерживали дружнаго натиска нѣсколькихъ князей русскихъ крупныхъ областей и пользовались случаями

цы; бродъ около р. Хоргицы назывался *Протолчіемъ*. Ипат. 140. П. С. Л. VII, 130. Ипат. 83—4. 103—4. 136. 141. П. С. Лѣт. 87. Лавр. 218.

2) Лавр. 65. Очерки Рус. Географіи. *Барсова*, стр. 119—121. Въ 1193 г. Ростиславъ съ Мстиславомъ шли за Рось и *на Ивлѣ* изымаша сторожѣ Половецкіѣ. Ипат. 142—143. О томъ же см. Ипат. 103. 140, подъ 1172 и 1190 годами. *Ивла*—рѣка протекала выше пороговъ и впадала въ Днѣпръ съ правой стороны. Словарь *Щекатова*, II, 692.

1) Лавр. 174. 179. 180. 182. 186. 188.

для раззоренія страны, когда „князи не въ любви живутъ“. Это обстоятельство точно подмѣчено пѣвцомъ Слова о Полку Игоревѣ, который говоритъ, что князья сами на себя крамолу ковали своими ссор ми и усобицами, „а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русскую“.

Н. Аристовъ.

617587